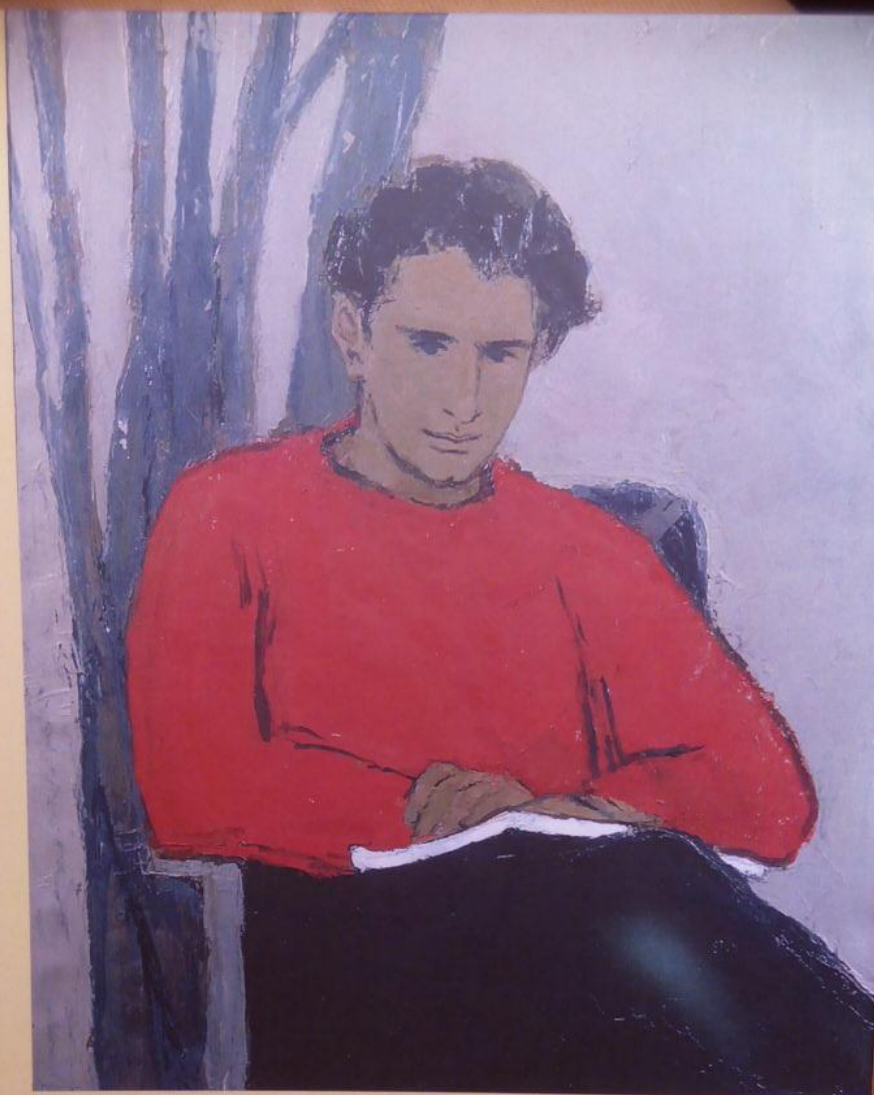

Язык Константы Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

Language. Constants. Variables

In memory of Aleksandr E. Kibrik

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

ВВЕДЕНИЕ

1. Язык как средство коммуникации

2. Язык как средство познания

3. Язык как средство культуры

4. Язык как средство искусства

5. Язык как средство философии

6. Язык как средство науки

7. Язык как средство религии

8. Язык как средство политики

9. Язык как средство экономики

10. Язык как средство социологии

11. Язык как средство психологии

12. Язык как средство истории

13. Язык как средство географии

14. Язык как средство биологии

15. Язык как средство медицины

16. Язык как средство права

17. Язык как средство литературы

18. Язык как средство искусства

19. Язык как средство философии

20. Язык как средство науки

21. Язык как средство религии

22. Язык как средство политики

23. Язык как средство экономики

24. Язык как средство социологии

25. Язык как средство психологии

26. Язык как средство истории

27. Язык как средство географии

28. Язык как средство биологии

29. Язык как средство медицины

30. Язык как средство права

31. Язык как средство литературы

32. Язык как средство искусства

33. Язык как средство философии

34. Язык как средство науки

35. Язык как средство религии

36. Язык как средство политики

37. Язык как средство экономики

38. Язык как средство социологии

39. Язык как средство психологии

40. Язык как средство истории

41. Язык как средство географии

42. Язык как средство биологии

43. Язык как средство медицины

44. Язык как средство права

45. Язык как средство литературы

46. Язык как средство искусства

47. Язык как средство философии

48. Язык как средство науки

49. Язык как средство религии

50. Язык как средство политики

51. Язык как средство экономики

52. Язык как средство социологии

53. Язык как средство психологии

54. Язык как средство истории

55. Язык как средство географии

56. Язык как средство биологии

57. Язык как средство медицины

58. Язык как средство права

59. Язык как средство литературы

60. Язык как средство искусства

61. Язык как средство философии

62. Язык как средство науки

63. Язык как средство религии

64. Язык как средство политики

65. Язык как средство экономики

66. Язык как средство социологии

67. Язык как средство психологии

68. Язык как средство истории

69. Язык как средство географии

70. Язык как средство биологии

71. Язык как средство медицины

72. Язык как средство права

73. Язык как средство литературы

74. Язык как средство искусства

75. Язык как средство философии

76. Язык как средство науки

77. Язык как средство религии

78. Язык как средство политики

79. Язык как средство экономики

80. Язык как средство социологии

81. Язык как средство психологии

82. Язык как средство истории

83. Язык как средство географии

84. Язык как средство биологии

85. Язык как средство медицины

86. Язык как средство права

87. Язык как средство литературы

88. Язык как средство искусства

89. Язык как средство философии

90. Язык как средство науки

91. Язык как средство религии

92. Язык как средство политики

93. Язык как средство экономики

94. Язык как средство социологии

95. Язык как средство психологии

96. Язык как средство истории

97. Язык как средство географии

98. Язык как средство биологии

99. Язык как средство медицины

100. Язык как средство права

Санкт-Петербург АЛТЕЙЯ 2014

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:
М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Паунян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова

Я 410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича
Кибрика. – СПб.: Алетей, 2014. – 680 с.
ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44
ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика
художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетей» (СПб.), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	9
I	
В. М. Алпатов Что такое картины мира и как до них добраться?	11
Т. В. Ахутина, М. В. Фаликман Внимание и язык	22
В. Б. Борцов Еще раз о типах и сортах (или об интеграции формальной и лексической семантики)	38
Т. Е. Янко Верификация гипотез путем расширения эмпирической базы лингвистики (на материале данных просодии)	57
М. Б. Берсельсон, О. В. Драгой, Ю. С. Акинина, Н. М. Шитова Нарративные стратегии: норма и патология	76
Е. В. Рахилина Грамматика ошибок: в поисках констант	87
В. И. Подлесская Структура самонсправлений говорящего по данным корпуса устных рассказов	96
Lenore A. Grenoble Verbal Gestures: Toward a Field-Based Approach to Language Description	105
К. В. Бабаев О методологии полевой работы по описанию языков с развитой тонологией	119
А. Б. Шлуинский Внутригенетическая типология: методологические заметки	127

Нарративные стратегии: норма и патология¹

Мира Бергельсон, Ольга Драгой, Юлия Акинина, Наталия Шитова

Памяти Александра Евгеньевича,
учившего нас видеть горизонты лингвистики,
не замечая ее границ.

Данная статья возникла в результате осмысления результатов, полученных в экспериментах по изучению дискурса (рассказыванию историй) пациентов с различными формами афазии в сравнении с аналогичными речевыми произведениями здоровых носителей русского языка. Описание самого эксперимента было представлено нами в (Bergelson et al. 2010). В настоящей статье мы бы хотели осмыслить полученные данные с точки зрения методологии дискурсивного анализа рассказов, предварительно коротко описав экспериментальные результаты.

1. Экспериментальное исследование.

В литературе по нарушениям речи у пациентов с афазией неоднократно демонстрировалось, что речепродукция страдает намного больше при одних типах афазий по сравнению с другими. Это дает основания различать так называемые «беглые» и «небеглые» типы афазий – при беглых на первый план выступают трудности понимания речи, при вторых преимущественно страдает ее порождение (Grodzinsky, 1990). Однако при этом трудности порождения слов и предложений (микроуровень) не исключают возможность порождения связного рассказа и достижения коммуникативного успеха в ситуации рассказывания (макроуровень). Обратное также может быть верным: сохранность грамматики и лексики еще не гарантируют связный и уместный дискурс (=рассказ). Вопрос о том, как дефицит или скомпенсированность на уровне локальной структуры соотносятся с коммуникативными успехами или провалами в дискурсе, является важной нерешенной проблемой в исследованиях речи при афазиях (Armstrong, 2000), (Olness 2006).

Одна из целей эксперимента, связанная с данной проблемой, состояла в том, чтобы сравнить дискурс пациентов с афазией и здоровых носителей русского языка. Для этого данные об успехах или провалах при составлении рассказов на микро- или макроуровне дискурса, полученные от пациентов, были соотнесены с аналогичными данными здоровых носителей русского языка. Исходное предположение состояло в том, что здоровые носители не будут испытывать затруднений при выполнении задания «составить рассказ по рисунку» – см. Рис.1 – ни на микроуровне (грамматическая и лексическая правильность предложений), характерных для пациентов с небеглой афазией, ни на макроуровне (соответствие жанровой и компонентной схеме рассказа), характерных для пациентов с беглой афазией с их «соскальзыванием» в дескриптивный дискурс. А именно эта особенность дискурса пациентов – неспособность построить «полноценный рассказ» и замена его описанием изображенного на рисунке – ассоциируются с имеющимся у них когнитивным дефицитом. И материал, и процедура эксперимента были специально разработаны так, чтобы вынуждать говорящего порождать именно повествовательный, а не описательный дискурс.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00614.

Рис.1

Результаты подтвердили гипотезу о двойной диссоциации при выполнении задания на построение рассказа между микро- и макроуровнем дискурса с одной стороны и различиями в дискурсе пациентов с беглой и небеглой афазией с другой. Коммуникативные неудачи на уровне построения предложения (микроуровень) – в данном случае собственно языковые неудачи в области словаря и грамматики – были более ярко выражены в небеглой группе. Но несмотря на это – а скорее, как раз вследствие ограниченности языковых ресурсов таких пациентов - они сумели породить связный и относящийся к делу рассказ, то есть справились с поставленной в эксперименте задачей. И наоборот, у пациентов с беглой афазией микроуровень был относительно сохранен, но они часто отвлекались на описание и оценочные пассажи, что делало их рассказ бессвязным.

Как и ожидалось, у здоровых носителей не было выявлено никаких нарушений на микроуровне: они порождали правильные русские предложения, характерные для устного модуса. Однако двое из четырех участников продемонстрировали в нашем эксперименте явную склонность к описательному типу изложения (в примере ниже – подчеркнутые куски текста), что прямо противоречило инструкции, полученной ими. Закljučая свой «рассказ», они с видимым удивлением констатировали « .. рассказа не получилось .. в общем-то . описание получилось».

Нет, ну как бы я не знаю, как рассказывать истории. Можно рассказать только в стиле сказки какой-то что жил-был мальчик, жила-была семья.

Не ну на самом деле, если как Вы говорите, если в форме истории, то у меня первое что приходит в голову, на самом деле, жил-был папа, жил-был мальчик, у них была благополучная семья.

Ну, насколько я понимаю, папа так немножко= ой, сына так немножко расшалился и в результате этой шалости, ну не совсем, если так ситуация глазами папы (я внесу коррективы потому что посмотрела внимательно) ситуация глазами папы.

То, что он заходит на кухню и видит, что что мальчик немного расшалился и... как-то стало не очень уютно в кухне.

Вот.

А мальчик оправдывается и говорит то, что нет, что не абсолютно это не его вина, и если посмотреть повнимательнее, то видно, на самом деле, на картинке, чья именно это вина.

И что мальчик здесь ни при чем.

Два других участника контрольной группы, наоборот, прибегли к стратегии, характерной для пациентов с небеглой афазией, полностью исключив из своего рассказа описательный тип изложения, что привело к короткому тексту, аналогичному знаменитому «рассказу» Юлия Цезаря («Пришел, увидел, победил»).

Однажды папа приготовил для своего любимого сына ужин, накрыл стол и позвал его, чтобы он пришел за стол и начал кушать.

Так как мальчик был непослушный - ну давайте назовем уж мальчика Вовочкой - Вовочка был непослушный, он быстро подошел к столу, сел неправильно, дернул за скатерть, и весь ужин, который готовил папа, полетел на пол и чуть-чуть даже не обрызгал кошку кремом для соуса.

Папа рассердился, и вбежал на кухню. Сказал: «Вова, ты что наделал?»

А мальчик сказал: «Это не я, это наш кот= наша кошка Дуся, которая потянула за скатерть, я здесь вообще ни при чем».

«Да ты что!!» - сказал папа.

«Да, да» - сказал мальчик.

Но папа ему не поверил и сказал, что если повторится это в следующий раз, то никакого ужина не будет.

В этом тексте практически отсутствует описательный тип изложения, а тот компонент рассказа, что в нашем анализе называется Описание (кроме Описания компоненты включают Основную линию, Оценку и Взаимодействие), представлен только прямой речью персонажей.

Соответственно, возникает вопрос: почему носители русского языка, компетентные члены дискурсивного сообщества, нормально владеющие дискурсивным жанром рассказа, не слишком хорошо справились с простым заданием? Другие вопросы могут быть связаны с тем, что мотивирует использование первой или второй из указанных стратегий, а также как эти факты могут влиять на нашу интерпретацию результатов пациентов.

Для того чтобы попытаться ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к рассмотрению основных параметров рассказов, которые позволят нам сформулировать представление о том, что такое «нормальный» полноценный рассказ. Затем в этих терминах можно будет дать определение тому, что называется вынужденный или «экспериментальный рассказ». А уже на основе разграничения этих двух понятий можно будет проинтерпретировать выводы проведенного нами ранее экспериментального исследования, в котором с помощью методов, типично ассоциирующихся с изучением афазии, мы покажем, что в аналогичных заданиях здоровые носители русского языка

используют две различные стратегии для поддержания баланса между *описанием* и *повествованием* и между *информированием* и *взаимодействием*. Анализ этих стратегий дополнит наше понимание рассказа как дискурсивного жанра.

2. О типологии нарративов.

Нарратив относится к разряду таких междисциплинарных понятий, чье точное наполнение зависит от области знания, о которой идет речь, а также от тех дополнительных смыслов, которые появляются у любого термина, как только он становится общеупотребительным научным слоганом ‘buzz word’. Такова судьба термина «дискурс», «когнитивный» и, отчасти «нарратив».

В научной парадигме лингвистики текста, нарратологии, дискурсивного анализа нарратив является дискурсивным жанром, практически синонимичным жанру рассказа. Это нестрогое употребление термина, при котором *narrative* и *story* выступают как синонимы (Chafe 1980), (Polkinghorne 1995). Однако существует и другая традиция (Polanyi 1989), поддерживаемая в данной работе, которая противопоставляет личные и бытовые рассказы таким видам нарратива как отчет, миф, хроника и т.п., и выделяет в рассказе, в первую очередь, отражение точки зрения рассказчика.

Попытка описать рассказ как дискурсивный жанр требует типологизации возможных параметров описания рассказа - как внутренних, характеризующих *ситуацию в мире рассказа*, так и внешних, описывающих саму *ситуацию рассказывания*.

Также под параметрами, но только уже – параметрами *описания рассказа* – понимаются и способы описания жанровой схемы, например, в терминах школы Лабова: описание, основная линия, оценка и др. (Labov 1972). Выбор способа описания во многом определяется научным направлением – нарратология, дискурсивный анализ, социолингвистический анализ и т.д.

Внешние параметры типологизации рассказов, параметры коммуникативной ситуации рассказывания, важны, в том числе, для определения места личных, бытовых, а также экспериментальных, рассказов в системе возможных противопоставлений и включают: Рассказчика, Содержание (о чем и какого типа информация), Адресата (включая степень вовлеченности аудитории в ситуацию рассказывания), Обстоятельства рассказывания. Рассмотрим некоторые из них с точки зрения того, насколько и как они имеют отношение к экспериментальным рассказам.

2.1. Рассказчик

Рассказчик является во многих отношениях центральной фигурой. При анализе конкретного рассказа или конкретного типа рассказов именно его цели, установки, знания существенно определяют то, что происходит в ситуации рассказывания. Для анализа конкретного рассказа важным является различение собственно рассказчика, повествователя внутри мира рассказа и главного действующего лица в мире рассказа. Для экспериментальных рассказов, в отличие от личных, это противопоставление значимо, так как рассказчик и главное действующее лицо никогда не совпадают.

2.2. Содержание

Параметр содержания весьма неоднороден. Внешний аспект содержания – это тематика рассказа, и типологизация здесь возможна в той степени, в которой нам доступно структурирование человеческого опыта. Однако есть некоторые зоны этого опыта, центральность которых для человеческого сообщества столь велика, что они «провоцируют» обсуждение и часто становятся темой рассказов. Так, в категории личных

рассказах (personal stories) легко выделяются *рассказы о ярком событии*. Именно эта категория рассказов рассматривается в работах Лабова и его последователей (Labow, Waletzky 1967). Они представляют особый интерес для когнитивно ориентированного дискурсивного анализа, поскольку вербализация личностно важного опыта проливает свет на особенности хранения такой информации и обращения к ней в дискурсе. С помощью личных рассказов рассказчик дает информацию о себе и своих ценностях (при этом если оценки рассказчика и слушателя совпадают, то это укрепляет межличностные отношения), развлекает, убеждает, иллюстрирует основную мысль (Norrick 2000).

К личным рассказам примыкают (или разновидностью личных рассказов являются) так называемые *повседневные*, или бытовые, рассказы (everyday, or conversational, stories). Они в большей степени связаны с конкретной ситуацией рассказывания и более диалогичны – отсюда английское название. Это то, что происходит повсеместно в любой хоть сколько-нибудь структурированной группе людей – обмен впечатлениями о прожитом дне за семейным ужином, о сданном экзамене на дружеской вечеринке, «ритуальные» рассказы рыбаков, ставшие недавно популярными в России рассказы о летнем отдыхе за границей и т.п. Все они отличаются большей степенью структурирования внутренних компонентов и особыми обстоятельствами рассказывания. Помимо множества ярких и важных событий и воспоминаний, о которых люди рассказывают в различных ситуациях, у каждого человека есть еще и так называемый рассказ о жизни (life story), своего рода внутренняя автобиография. Рассказ(ы) о жизни важны еще и потому, что они и лежащий в их основе жизненный опыт могут имплицитно присутствовать в других видах рассказах в качестве когнитивного фона оценок и дескриптивных пассажей, когда рассказчик отходит от основной линии повествования.

Для многих исследователей важным представляется внутренний аспект параметра Содержание; какого типа информация задействована в рассказе и что именно с ней происходит в ситуации данного дискурсивного взаимодействия. В (Bal 1985) автор выделяет три уровня содержания, присутствующие в повествовании (narrative): собственно рассказ (story), то есть последовательность событий, текст (text) как одна из возможных версий представления событий рассказа и фабула (fabula) – множество логически или хронологически связанных событий, в которых задействованы участники повествования, и способ их представления. Хотя данная работа, как и многие другие теоретические работы по нарратологии, в первую очередь ориентирована на анализ художественного текста, тем не менее, их аппарат вполне применим и для анализа повседневных устных рассказов в когнитивно ориентированном дискурсивном анализе: fabula соответствует *когнитивному пространству рассказа*, story – ментальному же маршруту прохождения этого пространства при создании рассказа, text – дискурсивной реализации внутренней ментальной картины.

В (Norrick 2000) при обсуждении одного из центральных вопросов когнитивно ориентированного исследования рассказов (какие когнитивные операции производятся в процессе рассказывания рассказчиком и аудиторией) автор подчеркивает, что рассказы позволяют пережить, переоценить и переосмыслить хранящийся в памяти опыт, а не просто сообщить о нем, перечислив или подытожив происшедшее. А в силу того, что мы рассказываем и слушаем рассказы других постоянно, хранящаяся в памяти информация о прошлом опыте подвергается соответствующим обращениям к ней многократно. Поэтому особый интерес представляет рассказывание и пересказывание одних и тех же (хотя бы на первый взгляд) историй. Ср. уподобление «коммуникативных стереотипов» много раз слышанным рассказам в (Николаева 2000, 163).

Итак, рассказы интерпретируют действительность, а не представляют ее объективно. При этом они сами требуют интерпретации, опирающейся на разнообразные компетенции и виды знаний, разные способы их представления в памяти. Этот параметр тесно увязан с внешними обстоятельствами дискурсивного взаимодействия: о чем рассказывать в значительной степени определяется тем, где, с кем, когда и по какому поводу.

2.3. Адресат

Адресат как фактор любого дискурсивного взаимодействия важен и для понимания конкретных типов рассказов. Но для данного дискурсивного (гипер)жанра на первый план выходит проблема вовлеченности аудитории в монологический, на первый взгляд, процесс рассказывания.

Рассказ это вовсе не монолог. Мнимая монологичность рассказа отмечается практически всеми исследователями. От прототипического диалога, характеризующегося сменой реплик, осуществляемой по определенному плану, рассказ отличается не столько длиной этих самых реплик, сколько другим коммуникативным заданием. Поэтому исследовательские программы конврсационного анализа приложимы к изучению личных рассказов в весьма ограниченном виде – в основном, для описания клишированных формул начала процесса рассказывания. В большей степени они могут быть использованы в анализе повседневных рассказов, которые в этом случае рассматриваются как своего рода одна реплика данного говорящего в условиях многоголосного диалога.

В параметризации Адресата весьма значима роль аудитории. Коммуникативное намерение рассказчика заключается не просто в сообщении о последовательности событий (нарратив как тип изложения), но в выражении определенного мнения в связи с описанными событиями. По крайней мере, это верно для личных рассказов в рамках европоцентрической цивилизации – ср. (Nash 1994), (Leitch 1986). Соответственно, главное, что ожидается от аудитории, – это подтверждение того, что описанные события могут, имеют право, быть использованы для выражения данного мнения (point). Согласие аудитории с самим мнением необязательно. Несогласие вовсе не означает неудачный рассказ. Коммуникативной неудачей будет служить реплика *ну и что?* после окончания рассказа. Причин для такого рода неудачи может быть несколько. Первая, полностью соответствующая такой реплике, означает, что рассказанные события полностью укладываются в модель мира, имеющуюся у слушающего, ни в малой степени не изменяя (дополняя, конкретизируя, противореча) релевантные лингвокультурные модели. Но возможны и другие причины. Смысл того, что хочет выразить рассказчик может, с точки зрения адресата, не вытекать из рассказанных событий, даже если они сами по себе представляют «новизну» в указанном смысле. *Что ты хочешь этим сказать?* и *почему это?* – таковы возможные ответные реплики в этом случае. Такого рода неудачи означают значимое несовпадение лингвокультурных моделей рассказчика и аудитории; в том числе это может быть и несовпадение модели коммуникативного поведения: а именно, какой тип рассказа уместен в данной коммуникативной ситуации и уместен ли вообще.

Во многом роль нарративных ответных стратегий определяется частными коммуникативными задачами, стоящими перед рассказчиком и другими участниками коммуникативного взаимодействия. Например, это может быть образовательный нарратив. В традиционных культурах роль устный рассказ выполняет множество функций, в том числе образовательных. В образовательном дискурсе любой степени изощренности ответные реакции необходимы, в частности, для проверки понимания – см. о культуре традиционного образовательного нарратива у атабасков Аляски в (Scollon, Scollon 1981). Активное присутствие аудитории, высокая степень ее вовлеченности (participatory listenership), присущая оживленным беседам, может характеризовать те или

иные национальные культуры. Так в (Tannen 1984) показано, что греческая аудитория в среднем более оживленно, чем американская, принимает участие в рассказывании рассказа, подавая реплики, задавая вопросы, перебивая, выражая оценку. О роли аудитории бардовских песен в их инициировании и исполнении – см. (Бергельсон 2008).

2.4. Причины, вызывающие рассказ

Из *обстоятельств*, которые характеризуют коммуникативную ситуацию рассказа в первую очередь необходимо выделить *причину*. Речь идет о внешней по отношению к содержанию рассказа причине, или о стимуле, то есть – о тех обстоятельствах, которые вызвали рассказ в мире рассказчика.

Прежде всего, рассказы делятся на спонтанные и вынужденные. *Спонтанные* рассказы возникают при непосредственном (лицом к лицу) общении дискурсивных партнеров, означают динамическое развитие некоторой темы, по сути, представляют собой развернутую реплику неограниченной длины. В ситуациях спонтанного рассказа смена говорящих во многом определяется разработанными в конверсационном анализе правилами. Спонтанному рассказу обычно предшествует реплика типа *да, кстати, тут я сегодня ...* Характерной разновидностью спонтанного рассказа является русский анекдот – см. об этом и, в частности, о вводящих анекдот репликах (Шмелева, Шмелев 2002). Очень близкой к спонтанной формой повседневного рассказа, являются рассказы в неформальной обстановке, вызванные вопросом-просьбой со стороны аудитории: *так что все-таки случилось с твоей старой машиной ...* . Таким образом, реплики, непосредственно предшествующие повседневному рассказу, могут быть двух видов, то есть имеют место два вида диалоговых последовательностей. В первом случае говорящий, предлагающий тему, становится рассказчиком, во втором, говорящий, задающий вопрос или выражающий эксплицитную просьбу рассказать историю, становится слушателем.

Вынужденные рассказы – это результат интервьюирования в широком смысле этого слова. Именно с такими рассказами, вынужденными некоторым стандартным для множества испытуемых вопросом, обычно имеют дело исследователи, начиная еще с работы Валецкого и Лабова. В этой классической работе авторы собрали более 600 рассказов, явившихся в той или иной форме ответом на вопрос «Был ли ты когда-либо в ситуации смертельной опасности» (Labov, Waletzky 1967).

Разница между вынужденными и спонтанными устными рассказами может проявляться на уровне вербализации, особенно если исследователь использует видео- или аудиозапись. Это естественный экспериментальный эффект, заметный в виде попыток более тщательной вербализации, особенно на начальных стадиях рассказа.

Существует точка зрения – см. (Wolfson 1976), (Cortazzi 1993), что повседневные рассказы исполняются (performed) автором, в то время как вынужденные рассказы-интервью – это просто развернутые ответы на вопрос. Такая точка зрения является довольно спорной; в частности, ее не подтверждает экспериментальный материал. Информанты, чьи рассказы послужили материалом для данного и ряда других исследовательских проектов, довольно быстро преодолевали замешательство от необходимости говорить «на пленку», хотя среди них были и пациенты с афазией и весьма пожилые представители традиционной культуры, для которой такая деятельность вообще очень нехарактерна (Бергельсон 2007, 155-158). Тем не менее, можно отметить особенности исполнения именно повседневных рассказов. Степень живости и яркости исполнения положительно коррелирует со степенью приемлемости и приятности темы для аудитории, наличия взаимосвязывающих отношений между участниками, большего общего фонда знаний и совместного опыта, разделяемых ценностей. Характерными чертами такого исполнения являются использование звуковых эффектов, более выраженная мимика и жестикация, употребление «изобразительного настоящего (настоящее историческое), повторения, перенесение дейктических показателей в мир рассказчика (здесь и сейчас), большая

степень подробности. Экспериментальным рассказам в нашем исследовании такая живость обычно не свойственна, но может иметь место как проявление когнитивного дефицита, связанного трудностями планирования дискурса у пациентов с беглой афазией и их попыткой опереться на взаимодействие с адресатом и саму ситуацию рассказывания.

3. Две составляющие рассказа.

Рассказ – это двуликий Янус. В нем есть информационная составляющая и интеракционная. Вторая обычно рассматривается в дискурсивном анализе совершенно отдельно от первой, и ее роль часто занижена. При анализе не-нормы, или нормы как контрольной группы, возрастает роль параметризации интерактивности.

К *информационной* составляющей рассказа относятся стратегии сообщения новой информации, выражаемые посредством описательных, повествовательных и объяснительных типов изложения. *Интеракционная* составляющая включает такие коммуникативные функции и стратегии, как взаимодействие с адресатом, в частности, воздействие на него (стратегии, реализуемые посредством убеждающего и инструктирующего типов изложения). Собственно взаимодействие реализуется использованием различных дискурсивных маркеров. В рассказе их функция заключается в указании на переключение между двумя модусами: миром самого рассказа (=истории) и миром рассказчика (=ситуации рассказывания).

Главная особенность экспериментальных рассказов состоит в их принципиальной вынужденности. Личный рассказ с точки зрения информационной составляющей выполняет функцию сообщения новой информации, но не менее, если не более важной является интеракционная составляющая. Воздействие на адресата, направленное на изменение его отношения к миру, происходит по мере и за счет оценки рассказчиком событий, описанных в мире рассказа. Рассказ, вынужденный неким экспериментальным заданием, очевидно, выполняет другие функции – как с точки зрения информационной, так и интеракционной составляющих. В конце концов, для здоровых носителей языка экспериментальное задание (например, рассказать рассказ по рисунку) сводит информационную составляющую (желание поведать или узнать нечто интересное) к нулю, и на первый план выступают другие мотивирующие факторы. Например, желание хорошо выполнить инструкцию. Однако, как показывают наши данные, именно это рассказчикам часто не удается сделать: вместо рассказа получается описание рисунка.

Каковы причины данной коммуникативной неудачи? Можно ли ее сформулировать в терминах описанных выше параметров типологизации рассказа?

4. Особенности экспериментального вынужденного рассказа.

Стратегии здоровых носителей языка во многом связаны с двумя параметрами стимульного материала. Во-первых, это сложность, которая измеряется количеством различных объектов, находящихся на рисунке. Во-вторых, эмоциональная интенсивность, которая является производной от сложности и неоднозначности выражения эмоциональных состояний двух действующих лиц на рисунке. У испытуемых имелись сомнения в оценке того, что происходит на рисунке между двумя действующими лицами. Но рассказ предполагает создание когнитивного пространства, которая включает в себя участников, событий, последовательность событий и – самое важное – мнение автора, его оценку этих событий. Если у говорящего нет уверенности в том, что происходит на рисунке, нет четкого представления о ролях персонажей и ситуациях, которые имеют место между ними, то ему трудно дать оценку этим ситуациям, а это, соответственно,

легко приводит к «соскальзыванию» в описание визуального материала вместо вербализации мысленной картины.

Параллельно возрастает роль интеракционного компонента рассказа. Рассказчик вынужден все время домысливать то, что он видит на рисунке, интерпретировать позы, выражения лиц, домысливать пред- и пост-развитие истории. Из-за этого имеет место повышенное количество мета-высказываний говорящего, его постоянное присутствие в ситуации рассказывания, а не в мире рассказа:

Ну даже не знаю как начать. Ну уж если вы настаиваете

Взаимодействие, или все то, что связано с ситуацией рассказывания и не несет пропозиционального содержания в рамках рассказа, – это важнейшая функция интеракционной составляющей рассказа. Языковые реализации взаимодействия могут быть направлены на адресата – маркеры вербальной интеракции с аудиторией, или обращены к самому рассказчику – результат ментального поиска слова или конструкции при рассказывании. Пациенты с беглой и небеглой афазией имеют более высокие показатели взаимодействия с собой (повторы и хезитации, когнитивный поиск), здоровые носители взаимодействуют с адресатом (=экспериментатором). Повышенное количество маркеров взаимодействия в ситуации эксперимента есть признак ненормальности коммуникативной ситуации.

Кроме того, рассказ по рисунку отличается от рассказа из личного опыта еще и потому, что в первом случае приходится описывать, а на самом деле – придумывать - поступки персонажей, а также рассуждать за них, воссоздавать их реакцию. Всего этого в рассказе о личном опыте (бытовой рассказ, рассказ о происшествиях) нет. Поэтому нельзя полностью перенимать структуру описания личного рассказа с его заданными последовательностями (зачин-завязка-осложнение-кульминация-развязка-кода) или даже просто набором компонентов (описание-основная линия-оценка). Для экспериментального задания «рассказ на основе рисунка» наиболее важными параметрами служат типы взаимодействия в мире рассказывания, противопоставление основной линии, описания и оценки внутренних состояний действующих лиц, использование описательного или повествовательного типов изложения.

5. Выводы.

Языковые последствия «соскальзывания» в описательный дискурс, присутствующие у здоровых носителей, явно заметны и в группе пациентов с беглой афазией. Но из-за имеющихся у них медицинских проблем это явление получает другую интерпретацию, связанную с когнитивными нарушениями и речевыми дефицитами. Важный вывод, который естественно сделать, изучая данные контрольной группы здоровых носителей русского языка и пациентов с афазиями, состоит в том, что трудности при создании настоящего рассказа и как следствие переход к описанию рисунка, манифестирующиеся использованием описательного типа изложения, у пациентов могут объясняться теми же причинами, что и у здоровых носителей, что не согласуется с гипотезами чисто афазиологических исследований.

Литература.

Armstrong, E. (2000). Aphasic discourse analysis: The story so far. *Aphasiology*, 14, 875-892.

- Bal, M. (1985). *Narratology: Introduction to the theory of narrative*. Toronto, University of Toronto Press.
- Banfield, A. (1973). Narrative style and the grammar of direct and indirect speech. *Foundations of Language*, X, 1-39.
- Bergelson, M.B., Dragoy, O.V., Shklovsky, V.M. (2010). Telling a Story or Describing a Picture: Cognitive Differences and Similarities across Aphasic and Healthy Speakers. *Proceedings of the Forth International Conference on Cognitive Science. Vol. 1*. Tomsk: Tomsk State University, 26-27.
- Chafe, W.L. (1980). *The Pear stories : cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, N.J., Ablex Pub. Corp.
- Chatman, S.B. (1978). *Story and discourse : narrative structure in fiction and film*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press.
- Cortazzi, M. (1993). *Narrative analysis*. London ; Washington, D.C., Falmer Press.
- Givon, T., (Ed.) (1997). *Conversation. Cognitive, Communicative and Social Perspectives. Typological Studies in Language*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company.
- Grodzinsky, Y. (1990). *Theoretical Perspectives on Language Deficits*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Labov, W. (1972). *Language in the inner city: studies in the Black English vernacular*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
- Labov, W., Waletzky, J. (1967). Narrative Analysis. *Essays on the Verbal and Visual Arts*. J.Helm. (Ed.) Seattle, University of Washington Press. 12-44.
- Leitch, T.M. (1986). *What stories are : narrative theory and interpretation*. University Park Pa., Pennsylvania State University Press.
- Linde, C. (1993). *Life stories : the creation of coherence*. New York, Oxford University Press.
- Nash, C. (1994). *Narrative in culture : the uses of storytelling in the sciences, philosophy, and literature*. London; New York, Routledge.
- Norrick, N. (2001). «'Well' and 'But' as specific types of discourse Markers.» *Journal of Pragmatics* 33.
- Olness, G.S. (2006). Genre, verb, and coherence in picture-elicited discourse of adults with aphasia. *Aphasiology*, 20 (2/3/4), 175–187.
- Polanyi, L. (1989). *Telling the American story : a structural and cultural analysis of conversational storytelling*. Cambridge, Mass., MIT Press.
- Polkinghorne, D. (1995). Narrative configuration in qualitative analysis. Life history and narrative. Hatch, J. A., Wisniewski, R. (Eds.) London ; Washington, D.C. Falmer Press.
- Scollon, R., Scollon, S.B.K. (1981). *Narrative, literacy, and face in interethnic communication*. Norwood, N.J., Ablex Pub. Corp.
- Tannen, D. (1984). *Coherence in spoken and written discourse*. Norwood, N.J., ABLEX Pub. Corp.

Wolfson, N. (1976). «Speech events and natural speech: Some implications for sociolinguistic methodology.» *Language in Society* 5: 189-209.

Бергельсон М.Б. (2007). Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. М.: «Университетская книга», 320 с.

Бергельсон М.Б. (2008). Структура нарратива в зеркале поэтического текста. Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008, с. 648-657.

Николаева, Т.М. (1978). Лингвистика текста: современное состояние и перспективы. *Новое в зарубежной лингвистике*. (Под ред. Т. М.Николаевой. Москва, Прогресс. Вып. VIII 5-39.

Николаева, Т.М. (2000). От звука к тексту. Москва, Языки русской культуры.

Шмелева, Е., Шмелев, А.Д. (2002). Русский анекдот. Текст и речевой жанр. Москва, Языки славянской культуры.